

Николай ВЕРЁВОЧКИН

ДВЕНАДЦАТЬ АРБУЗОВ, ИЛИ ПОДВИГИ ГЕРАСИМА

В селе с весёлым названием Новостаровка жил-был розовощекий человек с серьёзным именем Герасим. Человеку было шесть лет. Природа наградила его богатырским телосложением, и выглядел он на все семь. Родные и товарищи по играм звали его Герой. С ударением на «е». И лишь иногда ехидная баба Уля ударяла на «о»: «Опять, герой, в грязной луже с утками искупался? – восклицала она, всплеснув ладошками. – Селезень ты бесхвостый, стирать на тебя не упрaviшься. Давно хворостины не пробовал? Вот пожалуюсь папке, он тебе уши-то открутит, гусь ты лапчатый, горе моё горькое». Хворостины Герасим никогда не пробовал, и никогда никому баба Уля на него не жаловалась. А наоборот, покрывала его нехорошее поведение. Покровительствовала и защищала.

Сосед Марат звал Герасима Гераклом, а бабу Улю Афиной Палладой. – Гера – имя женское, – объяснял он. – Так звали древнегреческую богиню, жену Зевса. А Геракл – имя очень даже мужское.

Марат был взрослым человеком. Ему было почти девять лет. Но был он лобаст, худ и выглядел молодо – лет на восемь. Мальчишки с Береговой улицы завидовали ему: у него была единственная в селе инвалидная коляска и большой чёрный зонт. Тоже один на всю Новостаровку. Мальчишки спорили за право катить коляску на пляж, в первые лески, на футбольное поле. Катят и губами изображают дребезжанье мотора. В боевую машину пехоты играют. Марат на книге сидит, чтобы из коляски при тряске не выпала. Книга толстая, в красном кожаном переплете. В правой руке Марата зонт вместо меча. И этим зонтом он направление главного удара указывает.

Все в реке купаются, а Марат в коляске сидит. Книгу читает.

Все землянику собирают, а Марат в коляске сидит. Книгу читает.

Все футбол гоняют, а Марат в коляске сидит. Книгу читает.

Дождь пойдёт – мальчишки, по тёплым лужам мяч гоняя, вымокнут до нитки, а Марат зонт раскроет и под шорох дождинок книгу читает.

Солнце жарит – у всех мальчишек носы облупились, а Марат в тени зонтика книгу читает.

Книга называется «Мифы Древней Греции». И с некоторых пор читает он эту книгу вслух, потому что перед коляской сидит – ноги калачиком – Герасим и внимательно слушает рассказы о своем тезке Геракле, полубоге с лицом Карла Маркса и туловищем штангиста тяжёлого веса Юрия Власова.

Раскроет Марат волшебную книгу, и в тот же миг окрестности села Новостаровки превращаются в Древнюю Грецию. Над бирюзовым Солёным озером, понтом Эвксинским, клубятся древнегреческие облака. Белые, как снеговики

из первого снега. В тёплой воде отражаются. Стволы берёзовой рощи белеют колоннами древнегреческого храма. На вершине сопки Полынной пируют олимпийские боги. А в ельнике козлоногий бог Пан играет на свирели «Миллион, миллион алых роз».

Чтение в основном происходит на пляже. На то есть причина. Выше песчаного берега на богаре разбиты бахчи. Вождеделение новостаровских мальчишек. Сторожит арбузы дед Зосима, которого Марат за глаза зовёт Зевсом Громовержцем. Хотя, между нами, дед больше похож на философа школы киников Диогена. Вся разница: Диоген жил в большом кувшине из-под вина, а дед Зосима всё лето обитает в шалаше, крытом соломой. Всякий раз, озирая окрестности в потёртый бинокль и завидя коляску, дед Зосима спускается к пляжу послушать преданья старины глубокой. За плечами у него громобойная берданка, а в руках арбуз, награда чтецу.

Мудро решив извлечь из подвигов Геракла наибольшую пользу, Марат читает за один раз по одному подвигу.

Арбуз первый. Немейский лев

Арбуз арбузом, но деду Зосиме Геракл не нравится.

Допустим, Марат читает с выражением, жестикулирует свободной рукой, повторяя траекторию движения палицы Геракла:

– «...Грозно зарычал лев, рычание его раскатилось по горам подобно грому. Лев стоял в ущелье и искал горящими яростью глазами того, кто осмелился пустить в него стрелы. Но вот он увидел Геракла и бросился громадным прыжком на героя. Как молния сверкнула палица Геракла и громовым ударом обрушилась на голову льва. Оглушённый страшным ударом, лев упал на землю. Геракл бросился на него, обхватил могучими руками и задушил...»

– Хулиган твой Геракл и бандит. Тоже мне герой. Что это за подвиги: всех, кого ни встретит, по голове дубиной бить? – возмущается поведением Геракла дед Зосима. – Я бы с этого героя штаны бы спустил и – ремешком, ремешком...

– Геракл штаны не носил, – вступает за Геракла Марат, – он шкуру Немейского льва носил.

– Тем более! Шкуродер! – пуще прежнего сердится дед Зосима. – Герой кверху дырой. Всех зверей из «Красной книги» перебил, разбойник.

– Так они же окрестности опустошали, – оправдывает Геракла Марат.

– Мало ли опустошали. Вон и коровы с козами опустошают, если за ними догляда нет. Ты дикого зверя приручи, заставь себя уважать. В заповедник отведи. На крайний случай – в зоопарк. Защити, для будущих поколений сохрани. Вот это, я понимаю, подвиг. А дрыном по голове зверьё бить много ума не надо.

– Не по своей воле он совершал подвиги, – защищает Марат Геракла, – а по приказу царя Эврисфея.

– Кто такой? – спросил дед Зосима, по роду занятий местный Зевс Громовержец, по складу характера циник и скептик, а узнав, вынес суровый приговор: – Этого я бы не ремешком, этому бы я из своей берданки да крупнозернистой солью, чтобы месяц на своём царском троне сидеть не мог, пакостник этакий.

Деду Зосиме подвиги Геракла не нравятся, а Герасиму, наоборот, очень даже нравятся. Вырезали они с Маратом могучий лук из краснотала, натяну-

ли тетиву из зелёной лески-миллиметровки. На такую в прошлом году Ваня Кумполов двенадцатикилограммовую щуку вытащил. (Для тех, кто в теме: спиннинг с морской катушкой, блесна из алюминиевой ложки.) Из сухих стеблей камыша сделали стрелы. Наконечники – из жестяной консервной банки «Килька в томате». Нашли у дороги на Белоглинку берёзку, вывернутую с корнем плугом, и из комля выстругали могучую палицу.

Вооружившись, пошел Герасим искать Немейского льва. Надо сказать, что Герасим, Марат и даже древний дед Зосима не были древними греками, и обитали они не в Элладе, а в лесостепном краю, где львы не водились.

Но у директора Новостаровской, прямо скажем, довольно средней школы Брехта, жил пудель Лёва. Грива львиная, хвост с кисточкой. Жил он не на улице, как положено жить собакам, а в доме. И, наверное, поэтому имел игривый характер. Вечно скакал и со всеми лизался. Любил с мальчишками в футбол играть. И никогда не нарушал правил. Нарушать было нечем. Кругом одни ноги и ни одной руки. Правда, играл он не за команду, а сам по себе: и за наших, и за ненаших. У него все наши были.

Пошёл Герасим шкуру новостаровского Лёвы добывать. Лук через плечо, в левой руке стрелы, в правой палица.

Но не он один искал в тот день Лёву. Навстречу Ирма с поводком в руках, дочь директора школы, бежит, по сторонам озирается и пуделя кличет.

– Гера, ты не видел Лёву?

Пошли они вместе искать пуделя. Идут, кричат: «Лёва! Лёва!» Ирма переживает. Бойтся, что Лёву бродячие собаки загрызли. Или, того хуже, нехорошие люди похитили.

Герасим, несмотря на свой юный возраст, обладал умом практическим и рассуждал по-житейски здраво. Бродячие собаки задрать пуделя не могли, потому что в Новостаровке беспризорных и одичавших собак не было. Все собаки в Новостаровке – одомашненные. Среди них были злые, кусачие, а были и добрые пустобрехи. Злых хозяева постоянно держали на цепи, а добрым цепь не полагалась. По ночам беспривязные, как и все порядочные собаки, охраняли дома, а днём бегали по деревне, пугая кошек и воробьев. С Лёвой они дружили. Должно быть, и за пса его не считали.

Нехорошие люди в Новостаровке изредка встречались. Но зачем им такая собака, которая мало того, что не умеет кусаться, а ещё и жить на улице не приучена?

– Как это зачем? – удивляется Ирма. – Лёва большой. Из Лёвы два унта можно сделать.

И горько заплакала.

– Не плачь, – говорит ей Герасим и обнадеживает: – Лёва с мальчишками на Пчелином лугу в футбол играет.

Пришли. Мальчишки с Береговой улицы играют с пацанами Овражного переулка. Двадцать три на двадцать три. Без судьи. Шум, гам. Больше спорят, чем мяч пинают. Счет: восемнадцать – семнадцать. Все одуванчики вытоптаны, пчёлам нектар собирать не из чего. Пчелы над лугом кружат, гудят в недоумении, от взлетающего свечой мяча уворачиваются. А Лёвы ни в защите, ни в нападении нет. Вратарь овражных Булат Шарипов объясняет: выгнали Лёву за неспортивное поведение. Под ногами путался и мяч пытался загрызть. Выгнали Лёву вместе с близнецами Крутевыми. Во-первых, близнецы обитали за асфальтом, в Оторвановке, и не имели отношения ни к береговому, ни к овражным пацанам. А во-вторых, не хотели делиться и играть за разные команды. Обиделись близнецы и ушли вместе с Лёвой в неизвестном направлении.

Услышав это, Ирма побежала в Оторвановку искать близнецов. А Герасим, который знал о привычках братьев чуть больше, побежал в противоположную сторону. К бахчам.

Идёт Герасим вдоль берега, могучей палицей злаки со стеблей трав сбивает. Чайки кричат, мартын хохочет, волны на песок накатывают, камыш шелестит. Из-за бора тёмная туча надвигается. И видит – что такое? – близнецы Крутевы, Колька и Валерка, на корточках сидят, из-за куста полыни выглядывают. За бахчами наблюдают. Колька – Круть, Валерка – Верть. А кто Круть, кто Верть – не разберёшь. Оба рыжие, широкоглазые, и всё у них одинаковое. Даже количество веснушек на лице и ссадины на коленях совпадают.

– Лёву не видели? – спрашивает их Герасим.

– Ш-ш-ш! – по-змеиному отвечают ему близнецы. – Лёву дед Зосима арестовал.

Залёг Герасим за соседний куст полыни, и рассказали ему близнецы удивительную историю, достойную древних мифов.

Увидели близнецы, как ловко управляется пудель Лёва с футбольным мячом, и подумали: арбуз тоже круглый. И подружились они с Лёвой. И дружба эта была корыстной.

Приходили они с Лёвой к бахчам и, укрывшись за куст полыни, выжидали время, когда бдительный дед Зосима спустится на пляж послушать рассказ об очередном подвиге Геракла. И тогда выпускали они Лёву. И Лёва опустошал бахчи, прикапывая коварным близнецам арбуз, который был тут же и съедает. И Лёве как члену банды доставался ломоть. Судя по коркам, усеявшим межполынное пространство, много арбузов было добыто преступным путем.

В этот раз решили близнецы опустошить бахчи в неурочное время. Но дед Зосима, не отвлекаемый подвигами Геракла, был на страже. Видит: что за чудо такое кучерявое? Пёс непонятной национальности арбуз под горку катит. Все собаки как собаки, добро охраняют, а этот на чужую собственность покусился. Приманил он Лёву куском сырокопченой колбасы и пленил, привязав веревкой к огорожному пугалу.

Сидит Лёва у пугала, плачет. По утерянной свободе тоскует. А из шалаша торчат сапоги деда Зосимы. Пятки вместе, носки врозь. По окрестностям разносится грозный, как рычание Немейского льва, храп. Этот могучий храп наводит ужас на души близнецов и сотрясает шалаш. Не верят близнецы этому нечеловеческому храпу. Полагают, что дед Зосима залёг в засаде с берданкой наизготовку и приманивает их, как уток, манком.

Но храброе сердце Герасима, Геракла Новостаровского, не знает страха.

Тёмная туча из соснового бора наползает на солнечный день. В дырявом чайнике, надетом вместо головы на чучело, ветер свистит, рукава старого пиджака трепещут, близнецы за полынным кустом дрожат, страшно храпит дед Зосима, но неустрашимо идёт к пленённому Лёве Герасим, перешагивая через полосатые астраханские арбузы. Лёва от радости близкого освобождения прыгает и алым языком громадных размеров лижет Герасима в нос. Едва увернулся герой от этих телячьих нежностей. Потянул за кончик веревки – петелька и развязалась.

Спас Герасим Лёву из заточения. Возвращаются в свободный мир, а близнецы громким шепотом намекают:

– Арбуз, арбуз!

Только не слышат их Герасим и Лёва. Попутный ветер для беглецов и встречный для близнецов уносит это сладкое, многократно повторенное слово на простор бушующего Солёного озера и топит его в белопенных волнах.

И тогда, не преодолев соблазна, пригнувшись, бегут близнецы самостоятельно к ближайшему арбузу. Но в это время из шалаша выползает дед Зосима. Что за дела! Пёс сбежал, а к краю поля крадёт мальчишка рыжей масти в двух экземплярах. Зарядил дед Зосима свою берданку, да как бабахнет в небо. В тёмной туче молния полыхнула, раздался оглушительный гром, земной шар содрогнулся, ветер стих и начался невиданный для этих мест ливень.

Прикрывши ладошками мягкие, особо уязвимые для крупнозернистой соли места, задали близнецы стрекача и вскоре обогнали не только Герасима, с триумфом возвращающегося в родную Новостаровку с освобождённым от плена Лёвой, но и сам ливень.

Надо заметить, что в селе Новостаровке среди подрастающего поколения не было такого обычая: прятаться от дождя. Особенно после долгой жары. И надо признать, нет больше удовольствия, чем бегать по теплым, парным лужам под небесным душем. Да и какой смысл прятаться, если уже промок до нитки? Разбежишься, оттолкнешься и скользишь щучкой на животе по приотplenной траве-мураве.

Идет Герасим по улице Береговой, ведёт пуделя, как коня в поводу, а на встречу им бежит потерявшая уже надежду увидеть Лёву в мире живых Ирма Брехт. Вся мокрая от слёз и дождя. Увидела Лёву и засияла. В ту же секунду ливень кончился, туча в сторону Белоглинки ушла, солнечный свет залил умытую Новостаровку. Воробьи зачирикали, голуби заворковали, петухи запели неурочно. Лёва с Ирмой обнимаются. Отряхнул пудель львиную гриву – и над ним, над его хозяйкой, над всем селом вспыхнула радуга. А Ирма говорит:

– Гера, ты мой герой! Любишь сливочное мороженое в вафельном стаканчике?

Странный вопрос. Кто же не любит мороженое? Особенно в хрустящем стаканчике.

Арбуз второй. Лернейская гидра

Уж на что дед Зосима уважал красно-книжное зверье, но и ему Лернейская гидра не по нраву пришлась. Мало того, что имела скользкое змеиное тело, так еще и девять голов, одна из которых – бессмертная. Змей Горыныч рядом с ней – красавец писанный. Эдак зашипят все девять голов разом, как маму зовут забудешь. С таким широкозахватным мотовилом в девять ртов мигом бахчу опустошит.

С того дня, как узнал дед Зосима о чудиде болотном, всех нехороших людей и приبلудных коров стал величать лернейскими гидрами.

Раскрывши рот, слушал Герасим рассказ о втором подвиге тёзки. Глаза у него были вдвое больше обычного, а одуванчик белобрысых волос на голове топорщился колючим репейником.

– «...Гидра обвилась чешуйчатым хвостом вокруг ног Геракла и старалась свалить его. Как непоколебимая скала стоял герой и взмахами своей тяжёлой палицы одну за другой сбивал головы гидры. Но на месте каждой сбитой головы у гидры вырастали две новые...»

Ни слова осуждения не сказал дед Зосима в адрес Геракла. И лишь когда герой призвал на помощь своего друга Июлая, а тот поджёт рощу и горящими стволами стал прижигать шеи гидры, с которых Геракл сбивал головы, дед Зосима пробурчал:

– Гидра гидрой, а рощу-то зачем поджигать?

Твёрдо решил Герасим избавить Новостаровку от гидры.

Чуть на отшибе, за грейдером, ведущим налево в районный центр, а направо – в областной, стояло недавно построенное здание больницы. Народ в Новостаровке и окрестных деревеньках и аулах был воспитан на молоке да кумысе и болел редко. Особенно летом. Только родильное отделение, где появлялись новые земляки, никогда не пустовало.

Больница стояла на возвышении у болотца, в котором с утра до ночи дикие утки вперемишку с домашними трескали ряску.

К нему и отправился с утра Герасим.

На крыльце больницы в белом, как первый снег, халате стоял самый главный и единственный врач Новостаровки Садык Ибраевич. Сложив на груди руки, он задумчиво смотрел в сторону деревни. Ждал больных. Но никто не хотел болеть летом. Увидел главный врач Герасима, обрадовался. Но напрасно. Не дошёл Герасим до больницы, а стал кружить вокруг болотца.

Раз обошёл, другой – нет гидры. Ага! Испугалась гидра Лернейская Геракла новостаровского, затаилась в тине болотной. Лишь пузыри втихомолку пускает.

Почесал Герасим могучей палицей затылок, оглядел окрестности. В камышах утки крикают, да Ваня Кумполов дырявым черпаком на длинной березовой жерди добывает «малинку» и «бормаша» из ила, наживку для окуня. «Малинка» – наживка зимняя. Но экспериментальным путем Ваня установил, что и летом на неё окунь клюет охотнее, чем на дождевого червя.

– Дядя Ваня, ты Лернейскую гидру не видел? – спросил его Герасим.

От Вани болотом пахнет. На нём зелёный костюм химзащиты переливается скользкой змеиной кожей.

– Нет, не видел, – отвечает, а сам глаза в сторону отводит, – ничего здесь не водится. Раньше золотой карась на голый крючок шел. А сейчас и серебряного нет. Гольян и тот пропал. Было озерцо, да пересохло. А в болоте какая рыба...

Вдруг слышит Герасим громкий протяжный стон. Встрепенулся он, снял с плеча могучий тальниковый лук и вложил в него не знающую промаха камышовую стрелу, собираясь поразить Лернейскую гидру. Встрепенулся и главный врач, полагая, что какому-то страдальцу требуется его неотложная помощь. И только знаменитый рыбак Ваня Кумполов сохранил спокойствие. Лишь поморщился слегка.

– Это Батёхина тачка скрипит, – объяснил он причину ужасных звуков, – мазута человеку жалко колесо смазать.

Болотце в низине. Поднялся Герасим наверх жалобную тачку посмотреть.

Тачка у деда Батёхи старинная. Деревянная. На ней как на лодке можно плавать. Везёт в ней дед деревца-прутики из леса. Остановился. Рубаха на выпуск, сапоги до колен. Вылитый Лев Николаевич Толстой в Ясной Поляне. Соломенную шляпу снял и ею на дамский манер потную лысину обмахивает. Спрашивает:

– Всё воюешь, милый друг Герасим?

А Герасим вопросом на вопрос отвечает:

– А что это?

Батёха в прутьики шляпой тычет:

– Это боярышник, это рябинка, это черёмуха, это вишня дикая, а это, сам видишь, берёзки с сосенками. А то, что в ведре, – смородина лесная. Это красная, а это черная.

– Тебе, дядя Семён, дай волю – ты все поля лесом засадишь, пшеницу негде будет сеять, – кричит снизу Ваня Кумполов.

– Ну, все не все, – отвечает дед важно, – а это озерцо, я не я буду, озеленю.

– Болото, а не озерцо, – поправляет его Ваня.

– Озерцо, озерцо... Вверх по ложбине роднички когда-то били. Вода ледяная. Выпьешь – на зубах серебряная оскомина. Вот расчищу роднички – ру-

чѐек и потечет по ложбинке, болотце снова чистой водой наполнится, в озеро превратится. А как переполнится озерцо чистой водой, излишек в Солѐное озеро стечет. Деревца подрастут. Скамейки поставлю. На скамейках под яблоньками больные будут сидеть, птичек слушать, свежим воздухом дышать да здоровья набираться. А ты, Ваня, карасей удить будешь, добрым словом деда Батѐху поминать. Давай, Герасим, помогай красоту наводить.

– Коровы твою красоту потопчут, козы обглодают, пацаны обломают, – кричит снизу Ваня Кумполов, выбирая из тины «малинку», личинок комаров.

Неслышно подошел главный врач Садык Ибраевич. Весь в белом. И говорит авторитетно, как из холодного сугроба:

– Не обглодают, не затопчут и не обломают. Будем, Семѐн Игнатьевич, вашу красоту охранять силами медицинского персонала, – и спрашивает с робкой надеждой: – Кстати, как себя чувствуете, давно ли анализы сдавали?

– Во мне лесной дух живет, я на яблонях вскормлен, ко мне зараза не пристает, – бодро рушит надежды главного врача заполучить пациента Батѐха.

Отложил Герасим боевые доспехи в тень тачки и стал помогать деду Батѐхе наводить красоту. На то у него свои резоны: не будет болота, не будет где прятаться и гидре Лернейской. Держит над ямкой прутик с комом лесной земли, а Семѐн Игнатьевич закапывает.

Тут новость откуда близнецы Крутевы нарисовались. Узнавши, в чѐм дело, и выторговав себе право на будущее собирать с кустов ягоды, принялись деятельно путаться под ногами и, споря за лопату, копать ямки под саженцы.

И так это у них ладно, весело и шумно получается, что Ваня Кумполов не сдержался. Стащил с себя змеиный костюм химзащиты и стал воду из болотца носить. На каждый прутик по ведру. Поливает саженцы и спрашивает:

– Зачем тебе эта канитель, дядя Семѐн? Чего тебе на пенсии не сидится?

– От своего дела на пенсию не уйдешь, – отвечает садовод Батѐха и в свою очередь спрашивает: – А зачем тебе рыбалка?

– Сравнил, дядя Семѐн. Я рыбу добываю.

– А я слышал, ты запаха жареной рыбы не переносишь.

– Это да. Рыбу не ем. Другие едят.

– А скажут тебе: бери каждый раз сколько хочешь рыбы из бочки, только на рыбалку больше не ходи. согласишься от рыбалки отказаться? Зачем тебе комаров кормить, в болотной грязи «малинку» добывать, под солнцем жариться, под дождем мокнуть, вставать до петухов?

Нахмурился Ваня. Стоит с опорожнѐнным ведром, сердито на облака смотрит. В размышление погрузился.

А дед Батѐха и говорит:

– Вот то-то и оно. У каждого человека есть дело, без которого жить скучно.

– Не у каждого, – возражает Ваня Кумполов.

– Так и живут они скучно. Таких пожалеть надо.

Из открытого окна больничной палаты донеслась песня про рябину кудрявую. Санитарка Нюся наводит порядок. Никто её петь не заставляет, никто денег за песню не платит, а она поѐт. Зачем? Нравится петь – вот и поѐт.

А Герасим про своё думает: вот вырастет роща, будет чем Лернейской гидре шею прижигать.

Надо сказать, что между выполнением довольно бессмысленных поручений самодура и завистливого труса Эврисфея Геракл совершал и вполне приличные дела. Например, в схватке с богом смерти Танатом отстоял Алкестиду, верную жену своего друга царя Адмета. Но этот благородный поступок отчего-то не вошел в число двенадцати подвигов героя.

К чему это лирическое отступление в духе деда Зосимы, философа школы киников и скептиков? А как же без лирических отступлений? Без лирических отступлений нельзя.

Не обнаружив среди озеленителей болотца безнадежно больных, главный врач Садык Ибраевич заложил руки за спину и отправился на своё рабочее место: сражаться с ненавистным людям богом смерти Танатом за жизнь комбайнера Руслана, получившего ожоги второй и третьей степени, когда выносил из горящего дома девочку Снежану и её любимого котенка Барсика.

Арбуз третий. Стимфалийские птицы

– «...В окрестностях города Стимфала жили птицы, которые нападали на животных и людей, разрывая их медными когтями и клювами. Перья у этих птиц были из бронзы, и, взлетев, они роняли их подобно стрелам. Взошёл Геракл на вершину холма, что возвышался над лесом, где гнездились зловещие птицы, и ударил в тимпаны, выкованные богом-кузнецом Гефестом и подаренные герою Афиной Палладой. Встревоженные оглушительным звуком, громадной стаей поднялись птицы

над лесом, осыпая дождем острых, как стрелы, перьев землю. Но не попадали они в стоящего на холме Геракла. Схватил герой свой лук и стал разить птиц смертоносными стрелами. В страхе взвились за облака Стимфалийские птицы и улетели за пределы Греции...»

– ...в нашу Новостаровку, – продолжил за Марата дед Зосима.

Этот подвиг он, в целом, одобрил, добавив:

– Вчера у бабы Насти коршун опять цыплёнка унёс. Впору Геракла вызывать.

Не подумавши сказал это дед Зосима, не подумавши. Два Геракла на одну Новостаровку не многовато ли?

Герасима интересовал практический вопрос: что такое «тимпань» и сможет ли отковать их в своей кузне дядя Акст, про которого говорили, что он кузнец от бога?

Марат полистал книгу, поискал ответ в сносках. Не нашёл и предположил:

– Что-то вроде барабанов.

– Кто же барабаны в кузне куёт? – не согласился с ним дед Зосима. – Должно быть, это медные тарелки.

Нашло на деда мечтательно настроение, глаза налились есенинской синью, и, разрезая складным ножом призовой арбуз на ровные дольки, предавался он сладостным воспоминаниям молодости:

– Я ведь однажды чуть музыкантом не стал. Довелось мне играть на этих тарелках. Когда я служил в армии, в нашем полку духовой оркестр был. Мы под него на плацу маршировали. Приехал как-то в нашу часть генерал проверить строевую подготовку. Выстроились мы на плацу. Ждём. И надо такому случиться: солдатик, что в тарелки бил, коклюшем заболел. Вызывают меня из строя, вручают тарелки. Дирижёр ставит задачу: как ткнуть в твою сторону палочкой – бей! То ли я на генерала засмотрелся, то ли неправильно понял дирижера, только ударил не вовремя. Дирижёр мне своей палочкой грозит, а я рад стараться. Дзинь да дзинь. Куда тебе твой Геракл. Такой звон устроил, всех окрестных ворон переполошил. Полк с ноги сбился и равнение нарушил. Многие музыканты после моей игры слух потеряли. Хорошо ещё, что у генерала музыкального слуха и до этого случая не было. Знаю я, что такое «тимпань». Я за эти тимпаны три наряда вне очереди получил.

Домик бабы Насти на отшибе стоит. Другими словами, её хата с краю.

По дороге с пляжа завернули Марат с Герасимом к ней.

Сидит баба Настя посередине некрытого двора на осиновом чурбанчике, на небо смотрит, а в руках у нее хворостина. Клуша рядом квохчет, лапами землю разгребает, цыплят сзывает. Одним глазом тоже на небо поглядывает. Увидела «кукурузник», тревогу подняла и крылья растопырила. Цыплята со всех ног к ней бегут. Под крылья прятаться. Лишь один, хотя и желторотый, но героический петушок не поддался панике, приготовился к драке с самолётом малой гражданской авиации.

– Баба Настя, у тебя медные тарелки есть? – спрашивает Герасим, когда «кукурузник» улетел по своим делам и воздушную тревогу отменили.

– Медных тарелок у меня нет, – отвечает, сильно удивившись, баба Настя, – есть медный таз. Только он прохудился. Запаять некому. А тебе зачем? Металлолом собираешь?

– Медный таз даже лучше, – отвечает Герасим, – я в таз буду бить, коршунов отгонять.

– Герой! – восхитилась баба Настя, да вдруг засомневалась: – А как коршун тебя с цыплятами перепутает да утащит вместе с худым тазом? Таз хотя и худой, а жалко.

Нахмурился Герасим. Говорит с обидой:

– Не утащит. Я медным тазом прикроюсь и стрелой вашего коршуна поражу.

А Марат спрашивает:

– Баба Настя, а что это у вас на бельевой верёвке висит?

– А это сеть от деда осталась. Знатный был браконьер. Поспрашивайте, кому нужна. Я бы продала, недорого взяла.

– Не надо продавать сеть, а надо этой сетью двор накрыть, – говорит Марат.

– Голова! – похвалила баба Настя Марата и приуныла: – Только не справлюсь я.

– А мы поможем, – успокаивает её Марат.

Стали они втроем сетью двор накрывать. Накрывали, накрывали, пока в ней Герасим не запутался. Вместе с лестницей. Стали его распутывать. Но не зря говорят: беда не приходит одна. Баба Настя запуталась. Вместе с осиновым чурбаком и курицей с цыплятами. Хотел распутать её Марат, да чувствует: сам запутался. Вместе с коляской, зонтом и книгой «Мифы Древней Греции».

Уловистая сеть у покойного деда. Не выпутаешься.

А коршун тут как тут, нарезает круги над двором бабы Насти.

И куда только смотрит Афина Паллада, покровительница Геракла, внебрачного сына Зевса?

Вдруг откуда ни возьмись мимо бабы Настиного дома идёт пятиклассник Коля Горланов, футболист босоногий. Ему мальчишки разрешали играть в футбол только босиком, потому что правая нога у него – смертельная. На левую ногу надевать обувь не запрещалось. Левая у Коли не была смертельной.

А надо сказать, что зловещий коршун не только бабы Настиных цыплят похищал. За три дня до этого он на глазах у Коли его корпусную голубку на лету схватил, когда она фигуры высшего пилотажа выполняла. Очень понравилась босоногому футболисту и голубятнику затея изловить коршуна рыбацкой сетью. Вот он, злодей, снова кружит над Новостаровкой.

И часа не прошло, как распутал Коля бабу Настю с цыплятами, Марата с коляской и Герасима с лестницей. А ещё через час двор бабы Насти был накрыт сетью.

Угостила баба Настя спасателей цыплят домашним квасом и пирожками с паслёном.

Ели они пирожки, запивали квасом и думали, что делать с коршуном, когда он попадет в сеть. Поскольку коршун был, по словам Марата, не просто разбойник, а разбойник из Красной книги, остановились на двух вариантах: либо отвезти в областной центр и сдать в зоопарк, либо отдать в живой уголок при школе.

Впрочем, вопрос решился сам собой, поскольку глазастый и сообразительный коршун с того дня перестал кружить над Новостаровкой. Мало ли в окрестностях других деревень, где ещё не накрывают дворы сетями. Белоглинка, например.

Арбуз четвертый. Керинейская лань

В Аркадии жила Керинейская лань, посланная богиней Артемидой в наказание людям. За что наказала Артемида людей, в мифе не говорилось. Но, надо полагать, было за что. Эта лань страдала неуёмным обжорством и опустошала окрестные поля, обрекая жителей Аркадии на голодную смерть. Ноги у неё были медные, а рога золотые.

– Кто такая «лань», почему не знаю? – спросил Герасим.

– Что-то вроде оленя, – объяснил Марат и добавил: – Все, кто с рогами, олени.

– И коровы? – не поверил Герасим. – Они тоже с рогами.

Марат подумал, подумал и кивнул головой:

– И коровы.

Так вот, приказал Эврисфей Гераклу изловить эту лань. Наверное, зоопарк в Микенах был. А может быть, на золотые рога позарился трусливый царь. Целый год преследовал Геракл быстроногую лань. В погоне за ней достиг он северной страны гипербореев.

На этом месте Марат оторвался от книги и высказал предположение: возможно, в древности страна гипербореев располагалась в окрестностях озера Солёного, а медные копыта Керинейской лани и сандалии Геракла ступали на его берега. Оббежала лань вокруг озера Солёного и понеслась на юг.

Отчаявшись схватить златорогую лань, Геракл ранил её стрелой в медную ногу, взвалил на плечи и понёс в Микены. Но предстала перед ним оскорбленная и разгневанная Артемида. Геракл слегка струхнул, склонился перед прекрасной богиней, представился, напомнив, кто его папа, и повинился: «Не по своей воле преследовал я твою лань, а по приказу Эврисфея. Сами боги повелели мне служить ему. И если я не подчинюсь Эврисфею, я не подчинюсь воле богов».

Артемида вошла в положение Геракла и простила обиду.

Судьба же лани неизвестна.

Но скорее всего, душа её вселилась в соседскую корову Маньку. Рога у неё не были золотыми, да и ноги не медные, но на аппетит ей было грех жаловаться. И бессовестно опустошала эта прожорливая лань окрестности Новостаровки, не ведая о том, что душа Геракла вселилась в Герасима и ждёт её справедливое возмездие за потоптанные приусадебные участки.

Как раз в это время тракторист Фогель, провозя по Овражному переулку стог сена и уступая дорогу трактористу Кнюкште, транспортирующему баркас на озеро Солёное, совершил неловкий манёвр и зацепил стогом плетень бабы Ули. Сухой плетень затрепал и повалился. Он бы и так упал. От старости. Но, может быть, не в этот день. Разумеется, за грохотом двух дизельных моторов Фогель треск сухого плетня не услышал и со спокойной совестью продолжил путь, оставив на месте преступления приличный клок свежего сена.

Это лесное разнотравье и привлекло приبلудную Маньку. Свежав сено, она без спроса через прогиб в плетне проникла в огород бабы Мани. Следом за

ней нарушили границу священной частной собственности чужие гуси и утки, следовавшие в направлении озера. Видят: весь огород в молочае. А кто же от молочая откажется? Особого вреда водоплавающие птицы не нанесли. Напротив, принесли даже некоторую пользу, пропалывая молочай и избавляя огород от злостного сорняка. Чего не скажешь о Маньке.

Молочай новостаровская лань не уважала. В поисках съедобных сорняков принялась опустошительница огородов туда-сюда топтать картофельное поле. Добралась бы и до огуречника. Так совпало, что как раз в тот день баба Уля, оседлав старенький велосипед с коробом на багажнике, уехала в посадки за маслятами. Время было рабочее, и огуречник был обречен.

Но навстречу Маньке вышел бесстрашный Герасим.

Натянул он могучий лук и выпустил смертоносную стрелу. Попала камышовая стрела в бок криворогой Маньки и отскочила, как кленовая палочка от барабана. Манька даже головы не подняла, а только шкурой передернула, как бы муху отгоняя. Выпустил Герасим вторую стрелу, и третью, и четвертую. Кончились стрелы. Тогда поднял Герасим свою могучую палицу, размахнулся – и отпрыгнула от героя златорогая лань, и побежала к заднему плетню в сторону гипербореи, гоня перед собой гусей и уток. Картофельная ботва сочно хлестала по её медным ногам. Ботало, болтаясь на шее, гремело на всю деревню тревожным колоколом. Гуси кричали, утки крякали. У заднего плетня развернулась неуловимая лань и побежала на юг, к огуречнику, в Элладу.

И долго бы преследовал Герасим неуловимую лань, ещё больше перетоптали бы они картофельное поле битвы, если бы с талиной в руках не появилась в проёме плетня богиней Артемидой тётя Фрося, хозяйка Маньки. Обозвала она Маньку нехорошим словом и погнала домой, грозя сдать на мясокомбинат. И сдала бы, если бы склонная к бродяжничеству корова не отличалась невероятной удойностью. А Герасиму, ступив на поваленный плетень, тетя Фрося сказала:

– Что за мода такая пошла: огород без плетня содержать? Приходи, Гера, вечером. Я тебя Манькиным молоком напою.

Выгнал Герасим гусей и уток и стал плетень поднимать. Но даже герою одному с этой задачей не справиться.

В это время по переулку Овражному весело затарахтел порожний трактор. Остановился напротив Герасима. Вышел из кабины Фогель. Осмотрел следы гусениц возле поваленного плетня, почесал затылок и говорит:

– Передай бабе Уле, я свежей талы привезу.

А после этих слов принёс из тележки-прицепа берёзовые жерди, помог Герасиму поднять плетень и, подперев его, уехал за очередным стогом.

Смотрел вслед Фогелю Герасим и думал: интересно, случись перетягивать канат, кто кого перетянет – дизельный трактор или Геракл?

Арбуз пятый. Эриманфский кабан и битва с кентаврами

Тракторист Фогель слова экономил и никогда их на ветер не бросал. На следующий же день он привёз свежерубленый краснотал и свалил под сухой плетень бабы Ули.

А в воскресенье Герасим с отцом принялись плести новый. У того и другого причёски «ёжики», оба в тельняшках, выражения лиц серьёзные.

Отступив на полметра от старой загородки в сторону, естественно, пере-

улка, они вбили ряд новых осиновых кольев. Тесал и вбивал кольца отец Герасима, Ефим Васильевич. Герасим же погружал отёсанные концы кольев в ведро с кузбасслаком, предохраняющим древесину от гниения при контакте с землей, и подавал.

Прежде чем вбить кол, хитрый Ефим Васильевич пробивал в земле дыру ломом особой конструкции. И, вставив в дыру острый конец, вколачивал кол молотом с раскладной железной рукоятью. С помощью этого молота можно было вбивать в землю кольца и двухметровой высоты без стремянки или табурета.

Про Ефима Васильевича так в деревне и говорили: мужик с головой. Механизатор невероятно широкого профиля, заслуженный рационализатор республики. Конечно, совсем безголовых мужиков в Новостаровке не встречалось. Но голова голове – рознь. Между бровей Ефима Васильевича от постоянных раздумий, как бы что-то улучшить, образовались две глубокие складки. В доме у него всё было механизировано – от самозакрывающейся калитки и самополивающегося огуречника до механического древокола.

Плетень плетня – ещё тот подвиг. Не всякому герою под силу. Конечно, плетень не корзина. Можно обойтись самым простым способом – сплошным плетением. Но Ефим Васильевич любил делать всё красиво. Сплошное плетенье он через десять рядов чередовал витым. Проплетёт ряд и поколотит колотушкой, чтобы прутья поплотнее прилегали. Комар в щель не пролетит. Тала гибкая, прутья так и трещат, так и перестукивают. Музыка, кто понимает. Какая музыка? А вот такая:

*Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
Когда дворники маячат у ворот,
Ты увидишь, ты увидишь, как весёлый барабанищик
В руки палочки кленовые берёт...*

Ефим Васильевич любил петь под гитару бардовские песни. Жаль, что нельзя одновременно плетень плести и на гитаре играть. Зато петь можно. Поют они в два голоса не под гитару, а под плетень – и работа спорится. Только успевай талины подавать.

Особенно нравилось Герасиму витое плетенье, когда нужно управляться сразу с двумя прутьями.

Прикатил Марат и стал читать миф об очередном подвиге Геракла. Читать надо было в движенье, попевая за извивающейся между кольями зелёной змеей прута.

Чудовищной силы саблезубый кабан жил на горе Эриманфе. Как и прочее краснокнижное зверье, опустошал он окрестности и не давал пощады земледельцам, пытавшимся защитить посевы.

Этот подвиг Геракла напомнил Ефиму Васильевичу одно происшествие. Повеселев и не прекращая плетения, он спросил:

– А помнишь, Гера, как ты на Борьке катался?

Нахмурился Герасим и промолчал. У каждого героя есть подвиги, о которых он не любит вспоминать.

Дело было прошлой зимой. Прослышал Герасим: в воскресенье кабанчика Борьку собираются пустить на колбасу. И решил перепрятать своего друга в сарайчик бабы Ули. В пятницу, когда отец и мама ушли на работу, открыл он хлев и выпустил Борьку. Всё ему честно рассказал и предложил надёжное убежище. Но Борька смирился с судьбой и не хотел уходить со двора. Зима всё-таки, холодно.

Вытолкал Герасим кабана на улицу. Стоит тот, хрюкает. Потянул за уши. Стоит. Головой мотает. Пёс Полуунтя вокруг них бегаёт, хвостом крутит, тявкает. Всё бы ему играть, пустобрёху, всё ему игрушки. Что делать? Но если

Герасим решил кого-то спасти, сопротивляться бесполезно. Хочешь, не хочешь, а спасёт. Взял он хворостину, взобрался на широкую спину Борьки и ну его погонять да валенками прищипоривать. Полуунтя, видя такое дело, давай Борьку за жирные ляжки кусать.

Побежал Борька. Да не в ту сторону.

Выглядывают новостаровцы в окна: кто там хрюкает с утра? И видят: бежит неизвестно куда упитанный кабанчик. На спине его сидит сердитый дошкольник средней упитанности, держит кабана за уши и ругает его нехорошим словом «балбес». А сзади бежит пёс размером с половину унта и заливаётся свирепым лаем. Далеко бы ускакал Герасим, если бы Борька не выбежал на лед Солёного озера...

Чем дело кончилось, пустили ли Борьку на колбасу и сколько из него произвели колбасы, Ефим Васильевич рассказать не успел. К плетню подошла тётя Фрося с кувшином молока, которое Манька произвела из сорняков, съеденных ею в огороде бабы Ули, и восхитилась:

– Бог в помощь, мужики! Ну, не плетень, а кружева вологодские!

– Поверху косичку заплетем, – отвечал польщённый Ефим Васильевич.

– А со старым-то что будете делать?

– На растопку порубим, – отвечал Герасим важно.

– И щепка-то у вас даром не пропадёт, – восхищается тётя Фрося. – Ну-ка, работнички, угощайтесь молочком.

– Не от бешеной ли коровки? – спросил Ефим Васильевич.

– От неё, от Маньки. Прощения просит.

Отпили из кувшина Манькино молоко Герасим, Марат и Ефим Васильевич, который, вытирая губы, не сдержался:

– Передайте Маньке: обиды на неё не держим. Хорошее молоко, жирное.

Унесла тётя Фрося пустой кувшин, а мужики вернулись к прерванным занятиям. Герасим с отцом к плетню, а Марат к «Мифам Древней Греции».

Это приключение для Геракла было лёгким. Он загнал кабана в глубокий снег, связал и живым отнес в Микены. И подвиг заканчивался весело: увидел Эврисфей чудовищного кабана и от страха спрятался в большой бронзовый сосуд. Размером с бочку, в которую с крыши стекает дождевая вода.

Но во время этого похода Геракл, опьянённый вином, совершил нехороший поступок. В драке с кентаврами он своей смертоносной стрелой ранил своего друга и наставника кентавра Хирона. Это не было подвигом. И Герасим очень расстраивался и переживал за своего тёзку. Так расстраивался, что, оставшись один, даже слегка всплакнул. Но эта девчоночья слабость героя пусть останется между нами. Без передачи. Надеюсь на вашу порядочность.

Ночью Герасиму приснился Хирон. Он не был наполовину древним греком, а наполовину конем. Он был наполовину Маратом, а наполовину инвалидной коляской. Катится кентавр Марат с сопки Полынной к обрыву, а Герасим не может его догнать, чтобы остановить. Ноги тяжёлые, железные, сопка магнитная, обрыв близко, не догнать Герасиму друга, не спасти. Мама! Мама!

Мама всегда придёт на помощь. Проснулся Герасим. Мама, большая и теплая, как печь, его по голове гладит. Спрашивает:

– Страшный сон приснился? Всё хорошо. Спи.

Арбуз шестой. Скотный двор царя Авгия

Для Герасима это был самый скучный подвиг Геракла: никого не поймал, никого не поколотил.

Дед Зосима был иного мнения:

– Полезное дело. Одобряю. Вот только если бы все за собой навоз убирали, так и подвигов совершать не надо.

А дело было вот в чём. Эврисфей поручил Гераклу очистить от навоза скотный двор царя Авгия, сына лучезарного Гелиоса. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как пурпур, двенадцать быков, посвященных богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял подобно звезде...

Это место особенно нравилось Марату и Герасиму, но дед Зосима, прервав миф, усмехнулся в усы и высказался ехидно:

– Разбери, кто из них белый, кто красный, а кто сияет, как звезда, если все в навозе перепачканы. Неряхой был этот Авгий не хуже деда Ромашки.

Горько вздохнул Марат: где царь Авгий и где дед Ромашка? Ничего-то в древнегреческих мифах дед Зосима не понимает – и продолжил чтение, время от времени с вожделием поглядывая на зелёную тельняшку арбуза.

В Древней Греции не было ни тракторов со скребками, ни экскаваторов с ковшами, ни самосвалов с вместительными кузовами. Возможно, Геракл и ковырнул пару раз совковой лопатой гору навоза, да прикинул: пока вывезет это органическое удобрение на окрестные поля, пожалуй, и золотой век человечества закончится. До мрачного средневековья не управиться.

Сломал он с двух противоположных сторон стены скотного двора и отвёл в этот проём воду двух рек, Алфея и Гинейя. И вода в один день унесла весь навоз со скотного двора царя-неряхи Авгия.

Дед Зосима поинтересовался: куда унесла, и не случилось ли после этого подвига в Древней Греции природной катастрофы или какой-нибудь эпидемии?

Но ничего о последствиях этого подвига в мифе не было сказано.

Крепко задумался Герасим: как очистить хлев деда Ромашки.

Дом долгожителя Романова, больше известного среди земляков как дед Ромашка, стоял на углу Береговой улицы и Озёрного переулка. Дом ли? Жилища новостаровцев по архитектурному стилю, замыслу и размерам были похожи. Но посмотришь на одно и скажешь – хата, посмотришь на другое и скажешь – изба, а вот это – дом. Герасим, допустим, обитал в доме, о котором многие говорили – терем. Всё в этом строении было ладно. А почему ладно – не поймешь, если не знаешь, что такое золотое сечение или последовательность чисел Фибоначчи.

У каждого новостаровского жилища, будь то хата, изба или дом, есть палисадник. За оградой из штакетника – берёзки, сосенки, акации, рябинки, сирень, яблони-дички, смородина. У кого что. И только у деда Ромашки жилище голое, безбровое. Даже наличников нет. Поэтому зовут жилище деда Ромашки не хатой, не избой и не домом, а халупой. Званием же Ромашки дед был удостоен за аромат, который источало его древнее жилище. Вроде бы всё в жилище, как у людей: и стены, и крыша, и стоит вверх трубой, но посмотрит на него весёлый человек – и заскучает. Прикроет рот ладошкой и зевнёт.

Направить воды Солёного озера в скотный двор деда Ромашки было невозможно. Его дом стоял хоть и на берегу, но берег был высоким. А вода вверх не течёт. Ближайшая же река Ишим протекала довольно далеко от Новостаровки. В прошлом году Герасим ездил в районный центр с мамой в гости к родственникам и видел, как через плотину, перекрывшую реку, с шумом и грохотом падала белая вода. Такой могучий водопад, несомненно, очистил бы и скотный двор самого царя Авгия. Но как отвести воды Ишима к дому деда Ромашки? И не смоют ли они вместе с хлевом всю Новостаровку?

Дед Ромашка имел привычку и зимой и летом носить шубу, валенки и малахай. От дома деда Ромашки и от него самого приятно пахло навозом. Он обыкновенно дни напролёт с кратким перерывом на обед сидел на завалинке и наблюдал жизнь Береговой улицы.

С некоторых пор дед стал замечать мальчишку, вооруженного луком и стрелами, который крутился возле его жилища. Должно быть, в огород за паслёном намылился. Но дед и не подозревал, какие ужасные планы зреют в голове этого купидона.

Ходил, ходил Герасим и выходил одну мысль.

По Береговой улице проходила асфальтированная дорога. Канава со стороны дома деда Ромашки была суха, а противоположная всегда полна воды. Лужа тянулась вдоль всей улицы, вдаваясь обширными заливами в переулки. В этой великой луже, кое-где проросшей камышом, постоянно плавали утки и гуси. А иногда и Герасим. Еще чуть-чуть, и караси заведутся. Вот если бы воду этого водоема отвести в хлев деда Ромашки! Герасим еще немного походил, подумал и обратил внимание на то, что под дорогой проложена бетонная труба, но она вся закупорена мусором вперемешку с землей.

Принес Герасим из дома лопату и стал ковырять многолетние отложения.

Много странных событий видел на родной улице дед Ромашка за последнее столетие, но ничто не могло сравниться с тем, что произошло в тот довольно обычный день.

Подкатил на коляске Марат и сказал:

– Надо струей воды размыть. Так на Колыме золото добывают.

Подошёл Ваня Кумполов. В руках спиннинг с морской катушкой размером со сковороду. На голову накинута капюшоном самодельная лодка из камеры от трактора «Беларусь».

– Что делаете, пацаны?

– Лужу хотим осушить, – ответил Марат.

– Одобряю! Сколько можно грязь месить? Однако, бур нужен. Лопатой много не наковыряешь.

Расплескав лужу, из переулка выехал трактор. Переехал через дорогу на сухую сторону и остановился. Вышел из кабины тракторист Фогель и сказал:

– Трубу прочистить – минутное дело. Одна проблема: как через неё трос протянуть?

Ваня Кумполов заглянул в трубу и сказал:

– Небольшой просвет есть. Только в этот просвет даже Гера не проползёт. Разве что кошка. Или утка.

– Надо кошку поймать и за хвост привязать, – поделился мыслью Герасим.

– Трос? – спросил Марат с сомнением в голосе.

– Зачем трос? Привяжем леску. Леску протянем – привяжем к ней бельевую веревку, а к веревке уже трос, – поделился соображениями Ваня Кумполов, известный рыбак, и спросил Фогеля: – А что дальше?

– К одному концу троса привяжем диск от колеса, а за другой я потяну – вот и раскупорим трубу.

Отложил Герасим штыковую лопату, поднял с земли лук и подал Ване Кумполову стрелу.

Снял с головы Кумполов камеру, отвязал блесну с лески и привязал к леске стрелу.

Натянул Герасим могучий лук и пустил в трубу стрелу. Но длинна была труба, а просвет маленький.

После третьей попытки к собравшимся присоединился Вася Чугунов, больше известный как Чугунок Копчёный. Местный человек-амфибия. Был он чёрен от загара, и прозвище было ему к лицу. Он шёл на озеро поохотиться на хищных рыб – окуней, щук и язей. За спиной рюкзак с ластами и маской. Из рюкзака торчит рукоятка самодельного подводного ружья.

Собравшиеся стали спорить, пролетит ли стрела, выпущенная из подводного ружья, через трубу. Все пришли к единому мнению: не пролетит. Очень обиделся за своё ружье Вася Чугунок. Натянул резиновый жгут, привязал к гарпуну леску,

прицелился в узкий просвет, но сразу стрелять не стал. Попросил отогнать от трубы уток. Мало ли что. Попадёшь в селезня тётки Пугачевой, век не рассчитаешься. Раскроет рот – вся деревня оглохнет. Герасим отогнал водоплавающих. Чугунок выстрелил. Катушка затрещала. Сталь чиркнула по бетону.

Раздался едва слышный плюх.

Вытянул гарпун леску на мокрую сторону дороги. Протянул как нитку через ушко иголки.

Ура человеку-амфибии!

Леской вытянули верёвку, верёвкой – трос. К тросу на мокрой стороне привязали ржавый диск. Трактор затарахтел, и потащил Фогель этот диск на сухую сторону. Полезло из трубы жирной колбасой всё, что копилось в ней годами. А вслед за вылетевшим пробкой диском хлынула вода и потекла бурным потоком по колеям вниз по склону.

Видно, недалеко отогнал водоплавающих птиц Герасим – стайку утят этим потоком протащило через трубу и унесло в озеро. Разлучённые с мамой-уткой, они пищали, жалуясь на сиротскую долю. Не выдержало материнское сердце. Вслед за детьми утка бросилась в гудящую трубу, и вскоре радостное криканье возвестило вселенной о счастливом воссоединении семьи.

Через полчаса впервые с основания деревни обнажилось дно вечной новостаровской лужи. И чего только не обнаружилось на этом дне. Не будем перечислять все изделия из цветных, чёрных и даже драгоценных металлов, скажем только, что кое-какие артефакты попали в краеведческий музей при Новостаровской средней школе.

Домашние утки с печальным криканьем распрощались с тёплой пресной лужей и перекочевали на Солёное озеро.

Одно огорчало Герасима: бурный поток миновал хлев деда Ромашки.

Осушение великой новостаровской лужи стало достоянием истории и вскоре обросло мифологическими подробностями. В районной газете появилась заметка, подписанная смутно знакомой фамилией Раскольников. Селькор Родион Раскольников. Не читали? В ней рассказывалось о некоем дошкольнике, который при помощи песочного совочка избавил дома, погреба, огороды и домашнюю живность земляков от великого потопа.

Но ещё более удивительная история осталась вне поля зрения селькора Раскольникова. Это была история о чудесном самоочищении скотного двора деда Ромашки. Причём двор не просто самоочистился, но ещё и с прибылью для хозяина.

Этот подвиг был совершён исключительно силой мысли.

Кое-кто донёс до любителей-садоводов и огородников дачного участка «Степная перепёлка», расположенного вблизи озера Солёного, сведение о столетних отложениях ценного органического удобрения в хозяйственных пристройках дома Романовых. И случилось паломничество дачников к жилищу на углу улицы Береговой и переулка Озёрного.

Для кого навоз, а для кого золота воз.

Кто был этот «кое-кто», утёрший нос самому Гераклу? Нет, не Герасим. Правильно, Марат, мудрый, как кентавр Хирон, друг и наставник героя новостаровского.

Арбуз седьмой. Критский бык

Колебатель земли Посейдон подарил царю острова Крит Миносу быка, чтобы царь принёс этого быка в жертву ему же, Посейдону.

Услышав это, дед Зосима своим ушам не поверил и попросил Марата перечитать это место несколько раз. А убедившись, что со слухом у него всё в порядке, воскликнул:

– Тоже мне бог! Зачем бы я дарил кому-то быка, чтобы тот принёс его в жертву мне? Твой бык – вот сам и приносит его в жертву самому себе.

Услышав же, что Минос оставил прекрасного быка в живых, а в жертву Посейдону принёс одного из своих завалящих быков, дед Зосима одобрил этот поступок, сказавши:

– Хозяйственный мужик, хорошего быка на племя оставил. Какая разница, кого в жертву принести – бык он и есть бык.

Но в отличие от здравомыслящего деда Зосимы, тщеславный и мстительный бог Посейдон так не думал. Оскорбившись, он в гневе напустил на подаренного быка бешенство.

Смолчал дед Зосима, только руками развёл: бык-то здесь при чём?

По всему острову носился бык и бодал всех подряд. А остров, кто не знает, часть суши, со всех сторон окружённая водой. Далеко не убежишь.

Эврисфей и поручил Гераклу отправиться на остров Крит и привести в Микены сумасшедшего быка.

– Царь-то, видать, тоже не в своем уме, – заметил дед Зосима, – зачем ему бешеный бык?

Умом древних греков не понять.

Поймал бешеного быка Геракл и, следуя заветам деда Зосимы, укротил. Сел на широкую спину быка и поплыл на нём по морю на родину.

Эврисфей, как и предполагал дед Зосима, сильно перетрусил. Побоявшись оставить быка Посейдона в своём стаде, отпустил его на волю.

Дальнейшая судьба быка была печальна.

Но ещё печальнее была судьба крутолобого телёнка Борьки. Надо сказать, что всех животных мужского пола, откармливаемых в домашнем хозяйстве семьи Герасима, по неизвестной причине звали Борьками. Между прочим, так звали одного из женихов мамы Герасима, когда она была ещё невестой. Но скорее всего, это совпадение.

Никто не собирался приносить Борьку в жертву. По крайней мере в ближайшее время. Герасим с Борькой дружил и часто бодался с ним. Понарошку, конечно. Если на спор, то Герасим, ставлю рубль на доллар, перебодал бы.

В дневное время выгонял Герасим Борьку на луг и привязывал длинной веревкой к колышку. Мирно кружил Борька вокруг колышка, пощипывал травку, нагуливал вес. Но однажды прилетел овод, и Борька взбесился. Выдрал из земли колышек, задрав хвост, побежал неведомо куда и с перепуга угодил в то самое болото, берега которого безвозмездно озеленял дед Батёха.

Овод улетел, а Борька застрял в вязкой тине. Одна крутолобая голова из воды торчит.

На Борькино счастье Герасим, в надежде всё-таки подкараулить гидру Лернейскую и внезапно напасть на чудище из засады, по-пластунски преодолевал открытое пространство.

Но прежде чем Герасим совершит свой седьмой подвиг, познакомимся с мамой героя.

Инга Генриховна работала самым главным и единственным парикмахером в селе. За исключением совершенно лысых земляков, она стригла всех подряд: дошкольников и дошкольниц, примерных мальчиков и хулиганов, школьников и школьниц, допризывников, призывников и демобилизованных, женихов и невест, пап и мам, дедушек и бабушек, передовиков производства и отстающих.

И даже одного уже известного нам пуделя. И Герасима она тоже стригла. «Под одуванчика». И такая это была замечательная причёска, что многие новостаровские мамы просили её постричь своих сыновей «под Герасима».

Когда Герасиму говорили, что он «вылитый мама», наш герой никогда не обижался. Если бы Инга Генриховна носила туфли на высоком каблуке, её рост равнялся бы двум метрам. Но она всегда носила тапочки или босоножки, потому что даже без каблуков мама была заметна выше папы. Конечно, если бы папа не отказался носить туфли на высоком каблуке, разница в росте не была бы столь заметной. Но он отказался. Согласился лишь на причёску «ёжик». Зато папа служил на подводной лодке, куда высоких не берут, и плавал подо льдами Ледовитого океана до самого полюса. Но никому не рассказывал, как выглядит земная ось. Потому что это военная тайна.

До рождения Герасима мама дальше всех в районе метала копьё и толкала ядро. Физрук Новостаровской средней школы Лев Николаевич Сатунян говорил, что если бы мама в своё время попала в руки хорошего тренера, быть бы ей олимпийской чемпионкой и рекордсменкой мира. Герасим спросил маму, почему она перестала метать копьё и толкать ядра. Но за маму ответил папа, между прочим, в своё время чемпион района по настольному теннису. Однажды, сказал он, мама толкнула ядро так далеко, что, преодолев земное притяжение, оно вышло на околоземную орбиту и стало вечным спутником планеты, с каждым витком увеличивая мамин рекорд. Никакого смысла устанавливать новый. Конечно, Герасим не поверил, но однажды папа показал ему на ночном небе движущуюся точку. Действительно: летит ядро, слегка повиливает.

Как и большинство больших и сильных людей, мама никогда ни с кем не ругалась и не повышала голос. После каждого очередного подвига Герасима она говорила сыну:

– Запомни, Гера, простую мысль: прежде чем совершить подвиг, хорошенько подумай, а надо ли его совершать.

Слова эти Герасим запомнил. Но вспоминал их не до, а после совершения подвига.

Вот и на этот раз увидел он, как гидра Лернейская утягивает в болото Борьку, и, не раздумывая, бросился спасать друга. Некогда было думать.

Схватил герой Борьку за хвост и стал что есть силы тянуть из пасти чудовища. Да вдруг чувствует, как и в его ноги вцепилась гидра. А могучая берёзовая палица и лук со смертоносными стрелами остались на берегу.

Борька глаза таращит, мычит. Гидра вонючие пузыри пускает. Герасим за Борькин хвост держится, пытается ноги по очереди из пасти чудовища вытащить. Но крепко держит их гидра.

И куда только смотрит Афина Паллада, покровительница героя?

Куда надо, туда и смотрит.

У Инги Генриховны был обычай раз в месяц из благотворительных побуждений навещать больницу и стричь лежачих больных. В тот день посетителей не было, и ей будто кто на ухо шепнул: сходи в больницу, там Фомич месяц нестриженный лежит. Собрала она парикмахерские инструменты в хозяйственную сумку и пошла. Идёт, не торопится. А чего торопиться? Не убежит Фомич. Он лежачий.

На подходе к больнице слышит Инга Генриховна: мычит кто-то знакомым голосом из болотца. Смотрит и видит... Ну, мы уже знаем, что она там увидела.

Выронила она хозяйственную сумку и – бегом в болото. Подхватила левой рукой телёнка, а правой Герасима и – на берег. Всё, что гидра успела сделать, так это тапочки с её ног стащить. Подавиться бы ей ими.

Телёнок Борька стоит, глаза пучит. Ничего не понимает. Отряхивается по-собачьи. И все четыре ножки у него дрожат. Каждая по-своему.

А Герасим погрозил кулаком болотной гидре и говорит:

– Запомни, мама, простую мысль: прежде чем совершить подвиг, хорошенько подумай, а надо ли его совершать.

Арбуз восьмой. Кони Диомеда

Во Фракии жил-был царь бистонов Диомед. И у этого царя были дивной красоты и силы кони. Но он не использовал их для верховой езды, в упряжке или в качестве гужевого транспорта. Представьте себе, царь держал коней прикованными железными цепями в стойлах лишь для того, чтобы кормить их мясом чужеземцев.

Очень возмущился такому обычаю дед Зосима и обозвал царя бистонов фашистом. Причём фашистом недобитым. Что с них, с бистонов, взять? Бистоны они и есть бистоны.

За этими конями-людоедами и послал Эврисфей Геракла.

На самом интересном месте из-за спины Марата выглянула лошадиная голова, заглянула в книгу и фыркнула с презрением. Что за вздор! Не бывает коней, питающихся человеческим мясом. А вот бумагу с древнегреческими мифами отчего бы и не пожевать.

– Привет, Баха! – поздоровался Марат со всадником, пряча от коня книгу. – А почему ты без седла?

– Ты хотел сказать, почему Чемпион без седла? – уточнил наездник и улыбнулся.

Зубы крупные, крепкие, как у жеребца. Сам поджарый, солнцем прокопчённый. Волосы жёсткие, как грива. С кем поведёшься...

Бахытжан Утешев, одноклассник Марата, личность в районе известная. Его жеребец Чемпион – победитель прошлогодней байги. Бахытжана тоже зовут Чемпионом. Кого в честь кого – непонятно.

Чемпион на Чемпионе.

Жеребец чёрный, как тувель, до блеска начищенный гуталином. Глаза дикие, зубы белые. На месте не стоит. Под копытами песок скрипит. Под кожей мышцы перекатываются. Чёрт и чёрт. Только что из конюшни Диомеда. С цепи сорвался. Смотреть страшно.

– Да мы купаться прискакали, – объясняет Баха-Чемпион. – Зачем нам седла?

– Баха, можно мне на Чемпионе покататься? – спрашивает Герасим.

Бахытжан похлопал по спине коня:

– Запрыгивай.

Легко сказать. На такого коня без лестницы не взберешься. Можно, конечно, с коляски. Да уж больно сноровист конь. Так ногами и переступает. Двинет крупом ненароком и перевернёт коляску вместе с Маратом.

Дед Зосима, конечно, мог посадить. Но он важным делом занят: арбуз на ломтики нарекает.

– А ты, – советует, – с воды попробуй.

Человека на коня посадить – покряхтеть надо. А посоветовать много силы не надо. Отчего бы и не посоветовать.

Завел Баха Чемпиона в озеро, а Герасим заплыл на спину коня. Фыркает конь, головой мотает. Нравится ему в озере купаться. А кому не понравится?

Накупались и поскакали по отмели. Тык-дык! Тык-дык! Герасим из последних сил за Баху держится, завидует обезьянам, у которых вместо ног руки

растут. Вся планета сотрясается, под копытами озеро расплескивается, брызги до солнца долетают. Радуга за спиной переливается.

До камышовой заводи доскакали, развернулись – и назад. Смотрит Марат на коня, на всадников, слышит, как визжит от восторга его приятель, Геракл Новостаровский, и очень ему хочется, чтобы и его посадили на Чемпиона. Но он гордый. Не попросит.

Вовремя доскакали: дед Зосима закончил нарезать арбуз. Всем хватило. И Чемпиону ломтик достался.

Арбуз девятый. Пояс Ипполиты

– Докатился герой, – покачал головой дед Зосима, – уже и с девчонками дерётся.

На это справедливое замечание даже Марат не нашёл, что возразить.

Хотя мог бы: затеял драку не Геракл, а Гера. Между прочим, девчонка. Хотя и богиня.

Геракл честно сказал: так и так, девчонки-амазонки, отдайте мне пояс вашей царицы Ипполиты, и никто вас

за косички таскать не будет. Какой такой пояс? А тот, что подарил бог войны Арес. Так дареное не передаривают. Да мне он и не нужен. Адмете, дочери царя Эврисфея, понравился этот пояс. Вот и послал меня Эврисфей за ним.

Царица амазонок Ипполита подумала, подумала, расстегнула пояс и говорит: да на, раз такое дело, не жалко.

Тут-то Гера и затесалась в ряды амазонок, стала их локтями в бока пихать, подстрекать да подзуживать: давайте наkostenьяем этому наглецу Гераклу. Зазнался. Давно не битый ходит.

И понеслась телега по уклону...

За свою долгую жизнь Герасим ни разу не дрался с девчонками. В Новостаровке, в отличие от склочного коллектива олимпийских богов и героев Древней Греции, это считалось делом постыдным. Западло драться с девчонками. Скажут о мальчишке: «Да он с девчонками дерётся», – и всё: его уже и за человека не считают.

Так что доел Герасим Новостаровский свою долю арбуза и решил исключить пояс Ипполиты из перечня своих подвигов.

Да не тут-то было. Олимпийские боги, обитающие на лысой макушке Полярной сопки, были другого мнения. Ишь ты, не будет он. Подвиг, видите ли, ему не нравится. Привереда какая! Да кто тебя спрашивать будет, сопля зелёная. Копаётся, понимаешь, в подвигах, как в тарелке с борщом. Это буду, это не буду. Налили – ешь!

Вот идёт Герасим с бахчей по берегу бурношумящего понта Новостаровского – озера Солёного – и видит: сидят на песке две подружки-дошкольницы, Эмма и Зойка, и одна громче другой безутешно рыдают. Что случилось, рёв-коровы? А случилось вот что: в который раз повторился в жизни известный сюжет великого литературного произведения. Уронили кулёмы в озеро пляжный мяч, а ветром унесло его далеко-далеко на тёмную глубину, куда даже домашние гуси заплывать опасаются.

Сомнений нет: пляжный мяч нужно догнать. Угонит его ветром в Белоглинку, не вернёшь. Но такой подвиг не совершить без отряда героев и корабля под парусом.

Деревянными лодками весь новостаровский берег уставлен. Одна беда: все они прикованы цепями к деревянным, бетонным, каменным кольям, ме-

таллическим колёсам, а ближайшее – к треснувшему мельничьему жернову. Есть и такие, что так и истлели в кандалах.

А кто это там громко крикает?

А это Ваня Кумполов крикает: резиновую лодку ножным насосом накачивает.

Пошел Герасим к Ване о спасательной операции договариваться, а Эмма и Зойка, две амазонки, за ним увязались. Пуще прежнего ревут, слова сказать не дают.

Но Ваня Кумполов всё понял и говорит весело:

– Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч.

Посмотрел на часы и вздохнул: до вечернего клёва всего ничего. Но как не помочь односельчанам в беде? Не было такого обычая в Новостаровке, чтобы не помочь. Посадил он Герасима в лодку, и поплыли они по бурному морю за уплывающим в Белоглинку мячом. Долго плыли, а как догнали, тут и наступило время вечернего клёва.

– Я тебя на берег у бахчей высажу, – говорит Кумполов, – а сам дальше к отмели поплыву.

Не любят рыбаки подвиги во время вечернего клёва совершать. Да и плыть на резиновой лодке против ветра куда как хуже подвига.

Идёт Герасим, Геракл Новостаровский, вдоль берега, пляжным мячом во встречный ветер упирается. Мяч, хотя и лёгкий, но очень большой. Парусит. Руками не обхватишь. Обзор закрывает. Ничего, кроме синего неба, не видно. Идёшь, идёшь, да и споткнёшься. Повернётся Герасим боком, чтобы посмотреть, куда идти, а ветер так и норовит мяч из рук вырвать и в бушующий простор озера унести.

Споткнулся Герасим, упал на мяч.

А на этом мяче все континенты нарисованы. Не мяч, а шар земной. Точнее, земной шарик. Глобус надувной. А посередине, через горы, леса, степи, пустыни, моря и океаны – золотая полоса. Экватор. Пояс Ипполиты. Такая картина получается: на большом земном шаре лежит земной шарик, а на нём – Герасим, Геракл новостаровский, отдыхает. Сил набирается.

Долго нёс Герасим земной шар против ветра. Много дум передумал. Много трудностей испытал. Часто с пути сбивался: то в озеро по колено забредёт, то в обрывистый берег уткнётся, то о камень споткнётся. И вдруг слышит: кто-то на два голоса хохочет впереди. И смех быстро приближается. Это кому там пятки на бегу щечкочут?

Бегут навстречу Герасиму Эмма и Зойка, две амазонки. Быстро бегут. Их ветер в спины подгоняет. Подбежали, отобрали земной шар. И что интересно: спасибо не сказали. Пусть теперь сами его против ветра несут. Кулёмы! Что, спрашивается, надрываются. Спустили бы мяч, да и несли, сил не тратя. Девчонки, что с них взять? Недокумекали.

Арбуз десятый. Коровы Гериона

Подвиг, конечно, так себе. В вечерний час, когда лучезарный бог Гелиос на своей золотой колеснице проезжает над трубой школьной котельной, этот подвиг совершают все новостаровцы от мала до велика. Тоже мне подвиг: корову из стада пригнать.

Хотя корова корове рознь. Взять Бурёнку бабы Ули. Золото, а не корова. И хворостины не надо. Сама к дому бежит, молоком во все стороны брызжет. Знает, что её корочкой хлеба угостят. Мало того что удоистая, так ещё и добрая. Вся в бабу Улю. Не убережешься, так макушку шершавым языком и прилизет.

Другое дело Христофорова Тоська. Не корова, а бык с выменем. Так и норовит свои рога о что попало почесать. То со столбом бодается, то с плет-

нём. Мало того что бодливая, она еще и приبلуда. Лишний раз моргни – она уже бежит, хвост задравши, куда сама не знает. Такой у нее собачий характер. И окраска подходящая: шкура белая с чёрными пятнами. Мраморный дог. Только с рогами. На случай побега у неё на шее ботало висит размером с подойник. Не ботало, а царь-колокол. Большой и надтреснутый. Дребезжанье за километр против ветра слышно.

Но вернёмся от новостаровских бурёнок к нашему Гераклу. Приказал Эврис-

фей герою выкрасть у великана Гериона коров.

– Ну вот и до барымты докатился, – покачал головой, заранее осуждая очередной подвиг, дед Зосима.

И был, конечно, прав: угнать чужую корову – не подвиг, а барымта.

Жил этот Герион на острове у самого западного края земли. Пока доберёшься, не одни сандалии стопчешь. Не зря же Геракл в честь себя за это путешествие Геркулесовы столпы воздвиг. От других ни спасибо, ни почётной грамоты не дождёшься.

Вот достиг Геракл края земли, сидит на берегу у вечно шумящих вод седого Океана, соображает: как ему на остров Гериона попасть? Так бы и сидел, пока не состарился, если бы Гелиос его в своём золотом челне не переправил. А как попал герой на остров, так и давай своей дубиной подвиги совершать. Всем досталось: и двуглавному псу Орфо и пастуху Эвритиону. Не миновал героической дубины и сам трёхтельный хозяин острова великан Герион.

Много ещё подобных подвигов совершил барымтач Геракл на обратном пути. И не все они вошли в этот миф. Как сказал дед Зосима, заставь героя огород прополоть, он всю ботву клубнями наружу вывернет.

Закрыв Марат книгу, заложив страницу камышинкой, и наступило приятное время поедания арбуза. Ели почитатели Геракла арбуз и обсуждали новостаровских коров: кто больше молока приносит, кто бодливее, кто других рогатее, у кого какой характер. И был ли такой случай, чтобы новостаровских коров воровали.

Не было такого случая.

Охранял стадо Миша Постригань. Великаном он не был. Тем более трёхголовым. У него была всего лишь одна голова, две ноги и одна рука. Левая. Но он и одной левой ловко хлопал бичом. К тому же помогал ему сторожить стадо одноголовый пёс Бобик. Одна голова была у Бобика, но умная. Его в пятый класс за парту посади, он за четверть в ударники выйдет.

Однажды пригнали Миша с Бобиком стадо, а Тоськи нет. Потерялась. Всем селом, подставив ладони к ушам, прислушивались: не звонит ли надтреснутый колокол?

С чего бы ему звенеть? Нашли его на следующий день в Поваляевском лесу под кустом волчьей ягоды. День прошёл, второй. Обыскались злодейку. Пропала Тоська. Добегалась, приبلуда такая. И где её искать? Сплошные леса да перелески. Миша Постригань испереживался весь. Совестно ему в глаза землякам глядеть.

Жалеет Герасим Мишу. Много чего хорошего сделал однорукий пастух для него. Свистульки из талы вырезать научил. Кнутом щёлкать. Человека, который не умеет кнутом щёлкать, новостаровские мальчишки и за человека не считают. Желторотиком обзывают. А Герасим умел кнутом щёлкать. Мальчишки его уважали.

Где её, рогатую, искать?

Конечно, если на золотой колеснице Гелиоса прокатиться да сверху посмотреть...

Ну, Гелиос не Гелиос, а среди знакомых Герасима есть один крылатый человек. Можно сказать, родственник. Не какой-нибудь третий плетень нашему огороду, а целый двоюродный брат. В Новостаровке что ни знакомый, то родня.

Каждый день ровно в двенадцать часов со стороны озера, вызывая всеобщий восторг собак, прилетает зелёный четырёхкрылый самолет и над домом Дубровных покачивает крыльями. Это пилот малой гражданской авиации Вася Дубровный мамке с папкой привет передает. Все земляки, случившиеся в этот момент на улице, машут ему в ответ двумя руками и улыбаются. И только дед Ромашка грозит героическому пилоту сухим кулачком и обзывает хулиганом.

Василий Дубровный не возил пассажиров, не посыпал дустом вредителей полей. Летаёт Вася Дубровный первый год, но работа у него более замечательная и очень секретная. И никто об этом секрете, кроме новостаровцев, даже не догадывался. Василий Дубровный был разведчик. Он секретным прибором разведывал полезные ископаемые.

– Вы даже представить себе не можете, что хранится в недрах Новостаровки и её окрестностях. Я уже молчу об озере Солёном. Заглянули бы под него – не поверили. Только бы и ахнули, – так говорил Вася Дубровный землякам.

А когда те делали большие глаза и спрашивали: что, Вася отвечал:

– Я бы рассказал, да не могу: расписку давал.

Земляки подмигивали и подставляли уши: ты не беспокойся, нам можно, нас калёным железом пытай – никому не расскажем.

– Знаете, что бывает за разглашение государственной тайны? – сурово спрашивал секретный пилот Вася Дубровный, и земляки, стесняясь признать, что не знают, больше с вопросами не приставали.

А Вася, жалея, что не имеет права поделиться тайной, туманно намекал:

– Одно скажу: ждут Новостаровку большие перемены.

Старикам большие перемены ни к чему, а школьники любым переменам рады. Особенно большим.

Был у крылатого новостаровца один обычай. В субботний полдень он приземлялся в диком поле возле бахчей. Оставив летательный аппарат под надзор деда Зосимы и позаимствовав у него велосипед, Василий зауживал правую штанину прищепкой и крутил педали к родному дому. Форменная фуражка с крылышками, белая рубашка, галстук с булавкой, костюм со знаками отличия. Велосипед весело поскрипывает. Загляденье! На багажнике, прижатый защёлкой, сотрясается в коробке таинственный подарок. Но тайной он был лишь до первого похода мамы лётчика в магазин.

Передаст Василий мамке подарок, выпьет, что случится на тот час в доме: кружку кваса, вишнёвого компота или банку молока и – назад к самолету.

Там-то его и подкараулили Герасим с Маратом.

И говорит Герасим Василию:

– Братка, дело есть. Тоська пропала. Надо Тоську найти, пока волки не съели. Полетим Тоську искать?

Выслушал Василий Дубровный двоюродного брата Герасима и спрашивает:

– Говоришь, Христофоровых Тоська?

Лена Христофорова, кто не знает, его одноклассница, и иногда, видимо, по ошибке он машет крыльями над её домом.

Конечно, кто спорит, нарушать инструкции нехорошо, но если пропала корова одноклассницы, разок можно и нарушить.

Посадил Василий Герасима в самолёт, посмотрел на Марата, подумал-подумал, и Марата занёс. Вместе с коляской. Пригласил он в полёт и деда Зосиму. Но дед Зосима был человеком долга. Не мог он оставить бахчи без надзора. Тем более когда вблизи кружили охочие до арбузов близнецы Круть и Верть. К тому же служил дед в зенитных войсках и пожизненно был верен девизу зенитчиков: сами не летаем и другим не даём.

Разбежался «кукурузник» по богаре вприпрыжку, и с третьего подскока оторвались от земли. Не передать, до чего красива Новостаровка сверху! Но не многие, кроме голубей, чаек и отдельных ворон, об этом знают. Вот по дороге трактор Фогеля стог сена везет, колечки дыма из трубы выпускает, а за ним стая собак бежит. Ни гарахтенья мотора, ни лая не слышно. Вдруг собаки разом от трактора отстали и погнались за тенью самолета. Куда им, четвероногим, до четырёхкрылого! Летит самолёт вокруг озера, как минутная стрелка по циферблату. Вон и Ваня Кумполов с лодки машет.

Но не будем отвлекаться на красоты озера Солёного. Коровы в озере не водятся, а нам надо Тоську по лесам да оврагам высматривать. Высматривали, высматривали в шесть глаз – нет нигде Тоськи. И вдруг видят: посреди пшеничного поля круглый берёзовый лесок. К нему и дороги нет. Колок помещному. Посреди леска – круглая поляна. Посреди поляны – круглый стог сена. А возле стога – круглая черно-белая корова. Она! Тоська Христофорова.

И говорит Герасим Василию:

– Братка, погнались Тоську в Новостаровку!

Да не на ту корову нарвались. Если бы Тоська обитала в Кривощёкове или Белоглинке, непременно бы испугалась «кукурузника» и так бы припустила, задравши хвост, на самолёте не утонишься. Но новостаровские коровы привыкли к визитам Васи Дубровного. Тоська даже жевать не перестала, только хвостом отмахнулась, как бы от большой зелёной мухи.

Приземлился Вася Дубровный возле бахчей, выгрузил земляков и говорит:

– Лене Христофоровой большой привет передавайте. Скажите: как-нибудь найду тоськиного молочка попить.

А Герасим, удивившись, отвечает:

– Так Тоська не тех Христофоровых, которые за школой живут, а тех Христофоровых, которые за асфальтом, в Оторвановке.

Вздыхнул Василий Дубровный и говорит:

– Обломилось мне молочка попить. Ну и ладно. Всё равно привет передавайте.

И улетел по своим секретным делам.

Арбуз одиннадцатый. Кербер

Приказал Эврисфей Гераклу привести в Микены стража подземного царства пса Кербера. Три головы были у Кербера, на шее у него извивались змеи, а хвост заканчивался пастью дракона. Подкрадись к такому незаметно...

– Вот бы мне такого пса бахчи охранять, я бы и забот не знал, – позавидовал дед Зосима Аиду, хозяину подземного царства, а Гераклу посочувствовал: – Будь я на месте Геракла, треснул бы

этого Эврисфея дубиной по башке, чтобы разные глупости не выдумывал.

Этот подвиг деду Зосиме понравился. Без оружия укротил Кербера Геракл и привел в Микены.

Испугался дневного света страж подземного царства, весь покрылся холодным потом. Из трёх его пастей капала ядовитая пена. И там, где она падала на землю, вырастали ядовитые травы. Испугался трусливый Эврисфей ужасного пса, спрятался за свой трон и умолял Геракла вернуть Кербера Аиду.

Подземным царством в Новостаровке кого удивишь. В каждом доме своё подземное царство. Даже два. Одно под полом на кухне, другое или в сарайчике во дворе, или в огуречнике под шалашом. В подземных царствах хранятся банки с вареньем, картошка, квашеная капуста и другие продукты питания, не вместились в холодильники. А хитрый рационализатор Ефим Васильевич, папа Герасима, выращивал в своих подземных царствах ещё и грибы. Шампиньоны.

Погреба – вот как назывались новостаровские подземные царства.

Но трёхголовых псов с хвостами, которые бы заканчивались головами драконов, в них не водилось.

Псов в Новостаровке было много, но все они были одноголовыми и обитали на этом свете.

У бабушки Ули жил пёс Полуунтя. Сначала за лохматость называли его Унтом. Но поскольку он так и не вырос больше унта, кличку ополовинили.

Полуунтя обладал исключительно злобным и скандальным характером. Не было в Новостаровке живого существа, которого он не обляял бы. Коровы, человек пройдут мимо, собака ли пробежит, машина ли проедет – всех обругает последними собачьими словами. Пришлось посадить его на цепь. Не сразу, конечно, а только когда новостаровцы жаловаться стали бабе Уле. Ни одного не покусанного Полуунтей новостаровца не осталось. И все покусанные требовали отвести Полуунтя к ветеринару, проверить: не бешеный ли?

Так что из-за своего склочного нрава Полуунтя жил на цепи во дворе и белый свет видел лишь из подворотни.

Но с Герасимом Полуунтя дружил, поскольку Герасим был внуком бабы Ули. Родня. А кроме того, Герасим хорошо понимал задиристую собачью душу. Делился с Полуунтей конфетами и водил погулять в огород. Любили они играть в пограничника и пограничного пса. Бегали вдоль плетней и высматривали нарушителей границы. На одном конце цепи пес, на другом Герасим. Кто впереди, тот и пёс.

Однажды Герасим взял да и растегнул ошейник. Он что подумал? Он подумал: плетни высокие, Полуунтя маленький, ни за что ему через плетень не перепрыгнуть. И только он спустил с цепи Полуунтя, невесть откуда появилась трёхцветная соседская кошка Симка. Она, видите ли, в чужом огороде на чужих мышей и воробьёв охотилась. Без лицензии. Полуунтя кошек не любил, особенно трёхцветных. Погнался он за нарушительницей границы. А в высоком плетне была небольшая дыра. Юркнула в неё Симка, а за ней и Полуунтя. У маленьких собачек свои преимущества.

Долго бегал по улицам и переулкам Новостаровки Герасим, долго звал Полуунтя. Но тот не откликнулся. И его можно понять. Что ждало его во дворе бабы Ули, кроме похлёбки да цепи? А здесь – вольная воля, гуляй, где хочешь, кусай, кого хочешь.

Баба Уля, узнав о побеге, загоревала:

– Пропадёт Полуунтя, загрызут его большие собаки. Кто дом сторожить будет?

Склонил повинную голову Герасим и отвечает:

– Я буду дом сторожить.

Застегнул он на своей шее ошейник, сел возле будки и заступил на дежурство: стал лаять на прохожих.

Лаял, лаял. Устал. Думаете, легко целый день лаять? Попробуйте. Трудное это дело – дом сторожить. Залез, гремя цепью, в будку. А в будке-то как

хорошо! Солома шуршит. Доски сосной пахнут. Тявкнул раза два Герасим для острастки – да и заснул.

И приснился ему страж подземного царства пёс Полуунтя. Только голов у него не три, а четыре. Строго по одной на каждую сторону света. Южная голова, не отклоняясь на потусторонние вещи, только на юг смотрит, северная – только на север. Зорко смотрят головы во все концы Новостаровки, моргают глазами и спят по очереди. Выглядывают: не крадётся ли по-над плетнями трёхцветная кошка Симка. А Симка свернулась клубочком между голов Полуунти и мурлычет: «Ландыши, ландыши, светлого мая привет».

И вдруг страж подземного царства подходит бандитской походкой к Герасиму и лижет его в нос всеми четырьмя языками.

Просыпается Герасим, а это не сон. Нагулялся Полуунтя, вернулся. Одно ухо порвано, с левого боку клочок шерсти выдран. Хорошо, конечно, на свободе, а в будке куда как лучше. Дома ты имеешь право лаять на кого угодно, и за то тебя никто не укусит.

Арбуз двенадцатый. Яблоки Гесперид

Двенадцатый подвиг Геракла совершали все мальчишки Новостаровки. И не по чьему-то повелению, а по влечению души. Как только созревали яблоки в саду деда Батёхи, их неудержимо тянуло на подвиг. И не смущала злодеев опасность порвать штаны о колья высокого забора и даже получить заряд соли сами знаете в какое место.

Старожилы утверждали, что до основания села вода в озере была пресной. Оно так и звалось: озеро Пресное. Солёным оно стало из-за того, что многие поколения мальчишек Новостаровки отмачивали в озере свои полушария после походов в сад, который заложил еще дед деда Батёхи. Сам дед Зосима, будучи отроком, внёс свою лепту в засоление озера. И хотя по привычке ворчал, осуждая двенадцатый подвиг, но невнятно.

По слухам, ружьё деда Батёхи было древнее самого сада-питомника. От частого употребления ствол его раскалился и сильно изогнулся: дед Батёха редко попадал в цель. По этой причине одностволку переименовали в кривостволку.

Пришло время и Герасиму совершить двенадцатый подвиг Геракла. Совершал, совершал, да недосвершил. Круть и Верть через забор перелезли, а Герасим на плетне повис. Трусам за кол зацепился. Круть и Верть ветками трещат, яблоки рвут и за пазухи складывают, а Герасим на колу извивается, плетень сотрясает. Вдруг ружьё по небу бахнуло. Две звезды упало. Плетень затрещал. Яблоки просыпались. Это близнецы Круть и Верть через забор перемахнули. Топ, топ, топ – и тишина. Сад изнутри осветился. Луч фонаря по забору стал шарить. Шарил, шарил и нашарил Герасима.

Подошел дед Батёха, Атлас Новостаровский. Соломенная шляпа, борода лохматится, как у Льва Николаевича Толстого, рубаха навыпуск, штаны в сапоги наспех заправлены. В левой руке китайский фонарь, в правой – кривостволка. Только ничего этого Герасим не видит. От яркого света жмурится.

– Ну, здравствуй, милый друг Герасим. И что ты тут на плетне делаешь? – вежливо спрашивает невидимый дед Батёха.

– Здравствуйте, дедушка Семён. Вишу, – так же вежливо отвечает Герасим яркому свету.

– И давно висишь?

– Недавно.

– Ну, повиси, повиси. Я утром к твоим загляну, привет от тебя передам. Придут – снимут.

Неудобно висеть на плетне. А до утра целая ночь впереди.

– Передайте привет сейчас, – говорит Герасим, Геракл Новостаровский.

– Да кто же в гости по ночам ходит? – сомневается дед Батёха. – Не в обычай по ночам в гости ходить. А ты зачем ко мне ночью в гости пожаловал?

– За золотыми яблоками Гесперид, – повинулся Герасим.

Зашуршало. Это дед Батёха соломенную шляпу, прикрывшую макушку, почесал.

– Ранет есть. Симиренко есть. Пеструшка Новостаровская есть. Золотые яблоки Гесперид, говоришь? В моём саду нет такого сорта.

На этих словах луч света отвернулся, и дед Батёха ушел, оставив Герасима в темноте.

Но вскоре вернулся с лестницей. Снял с кола Герасима.

– Ну, милый друг Герасим, раз уж у тебя такой обычай – в гости по ночам ходить, пойдем чай пить. Ты чай с мёдом любишь, гречишным или донниковым?

Интересный вопрос. Кто же не любит чай с медом?

Пьют они чай с гречишным медом, а дед Батёха между делом толстую книгу листает. Пролистал и говорит:

– Нет такого сорта – золотые яблоки Гесперид.

Очень расстроила эта новость Герасима, гостя ночного. А дед Батёха собрал в горсть бороду и говорит бодро:

– Нет, так будет. Вот давай мы с тобой и выведем этот сорт.

Налил дед по второй чашке краснодарского кирпичного чая, и стали они думать, какими должны быть яблоки Гесперид. Сладкими – без вопросов. Медовыми. Золотыми по цвету – не иначе. Морозоустойчивыми – непременно. Другие на севере не вызревают. Кстати, что по срокам созревания: летние, осенние, зимние? Решили: зимние. Хранятся дольше. До самого Нового года. С такими яблоками и мандаринов не надо. Некоторый спор вышел о величине яблок. Ясно, что крупные. Но когда Герасим, растопырив пальцы, показал, какие крупные, дед Батёха решительно возразил: это не яблоки, а арбузы, такие яблоки ни одна яблоня не выдержит. Договорились: будут яблони размером с алматинский апорт, но чуть-чуть покрупнее. Другими словами: арбуз, но маленький.

Герасим и говорит:

– Завтра купаться на озеро не пойду, приду – будем золотые яблоки Гесперид выводить.

Дед Батёха снова бороду в кулак собрал и головой покачал:

– Э, друг милый, новый сорт вывести – это тебе не подвиг совершить: взмахнул два раза дубиной – и герой. Лет двадцать, а то и все тридцать уйдёт. Одно слово – селекция. Вот взять нашу пеструшку. Её ещё мой дед задумал вывести, а первый урожай нового сорта дождался только я. Больше тридцати лет прошло. Сначала надо с другими садоводами Земли списаться: яблоню-маму и яблоню-папу найти. Саженцы привезти, вырастить. Цветения дожждаться. Опылить. Дождаться плодов. Ещё не факт, получишь ли то, что задумал. Потом прутик из семечка вырастить. Что ты! Двадцать лет – это когда гладко всё идет. А в нашем северном краю гладко никогда не бывает. То мороз в бесснежную пору, то зной на всё лето, то коровы забредут и все сеянцы перетопчут, то мальчишки ветки обламают. Так что, милый друг Герасим, начнём-то мы завтра с утра, а заканчивать тебе в обед через тридцать лет. Придётся тебе по-

сле меня управляться с садом. А не выведешь золотые яблоки Гесперид – сад внуку передашь.

Короче говоря, «встал Геракл на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками».

Поскреб Герасим свой белобрысый одуванчик и говорит:

– Завтра, дедушка Семён, не могу. Завтра я бабе Уле обещал подсолнухи от воробьёв охранять. Совсем эти воробьи обнаглели в последнее время.

Но не станем осуждать ни Герасима, ни Геракла, который на хитрость Атласа, задумавшего переложить небесный свод на плечи героя, ответил хитростью: попросил Атласа ещё немного подержать небо, пока сделает себе подушку, да и был таков.

Легче двенадцать подвигов совершить, чем вырастить один сорт яблок.

Но справедливости ради следует сказать, что в дневное свободное от подвигов время Герасим прохаживался героической походкой вдоль ограды сада деда Батёхи с могучей дубиной на плече. Охранял яблоки Гесперид, которые созреют через тридцать лет.

Яблоко размером с арбуз вместо эпилога

Есть такой закон: все взрослые когда-то были детьми, а все дети когда-то будут взрослыми. Не избежал этой судьбы и Герасим. Вырос. Стал спасателем. И совершил не двенадцать, а, может быть, тысячу подвигов. Кто считал? Работа у него такая – каждый день подвиги совершать. Да и не всякая ночь без подвига обходится. Не счастье, сколько раз отвагу на пожарах проявлял, с парашютом в огонь прыгал, сколько тонущих и унесённых на льдине спасал, сколько погребённых под завалами откопал, сколько старушек через дорогу перевёл и котят с деревьев снял. Если бы за каждый подвиг медаль давали, было бы у него столько медалей, что за один раз и Гераклу не поднять.

И спросил героического Герасима Марат, который тоже вырос, стал писателем и сочинил книгу о своем друге:

– Есть ли подвиг, который ты не совершил?

Поскреб Герасим Ефимович свой белобрысый одуванчик, вздохнул печально и ответил:

– Вот послушался бы я тридцать лет назад деда Батёху, сейчас бы мы с тобой попробовали первый урожай нового сорта – золотые яблоки Гесперид. Я бы этим подвигом всех земляков угостил.

2024

Рисунки автора

